

Наконец, он открыл окно: нити дождя наперегонки проскользнули внутрь, а длинный коридор во внутреннем дворе тихо смотрел на него.

Шэнь Сичжоу снова накинул одежду и спустился вниз.

Вернувшись в комнату, Хэ Цюянь сразу же принял душ, а когда, закончив все приготовления, собрался задернуть занавески, то увидел сидевшего у края галереи Шэнь Сичжоу.

Он стоял у окна с полчаса, и словно по воле судьбы Шэнь Сичжоу поднял голову.

Они смотрели друг на друга сквозь ночную тьму, сквозь мириады дождевых капель, сквозь пелену тумана, разделенные немалым расстоянием.

Спустя мгновение Хэ Цюянь тяжело вздохнул.

Время казалось то застывшим, то несущимся вперед. Иначе как объяснить, что в одно мгновение они оказались действительно так близко друг к другу?

Голос Хэ Цюяня словно остыл вместе с холодной ночью, и он тихо спросил:

— Не спится?

— Нет. — Шэнь Сичжоу поднял на него взгляд. Черты лица Хэ Цюяня были глубокими и выразительными, с ярко очерченной структурой костей, волевым подбородком и изящными тонкими губами — из тех, что запоминаются с первого же взгляда. Когда он смотрел на кого-то сверху вниз, это неизменно создавало ощущение сильного давления. И тем не менее такой человек всегда притворялся мягким и дружелюбным.

Шэнь Сичжоу смотрел ему прямо в глаза, словно видел этого человека впервые. Его взгляд был сосредоточенным и серьезным, после чего он произнес:

— Я слушаю дождь.

Хэ Цюянь улыбнулся, и стоило ему улыбнуться, как окружавшее его давящее ощущение рассеялось. Он присел рядом с Шэнь Сичжоу.

Шэнь Сичжоу с любопытством спросил:

— Почему он называется Коридор Ближней Воды, Ловящий Луну?

В беседке у самого начала галереи он заметил наскоро сделанную деревянную дощечку, на

которой были вырезаны и заполнены синей краской слова: Коридор Ближней Воды, Ловящий Луну.

Хэ Цюянь вытянул ноги, выглядя при этом предельно непринужденно, и указал на пустую площадку перед центральной частью галереи:

— Сначала там хотели выкопать искусственное озеро. Луна будет отражаться в воде — разве это не означает «получить луну, оказавшись у воды»?

Шэнь Сичжоу моргнул, глядя на пустой участок, и спросил:

— Почему в итоге не стали делать?

Хэ Цюянь ответил:

— Слишком хлопотно, вот и бросили эту затею.

— Как жаль, — Шэнь Сичжоу впервые так прямо выразил свои чувства. — Наверное, было бы очень красиво.

Хэ Цюянь ничего не ответил: то, что так и не было построено, оставалось лишь туманной вероятностью.

Дождь продолжал идти. Несколько капель, проказничая, падали на их плечи, скатывались с курток и падали на землю.

В голосе Хэ Цюяня слышалась легкая дремота, и он спросил:

— Что-нибудь разглядел?

Шэнь Сичжоу отвел взгляд отдала, повернулся к Хэ Цюяню, и глаза его слегка затуманились.

Тогда Хэ Цюянь повторил вопрос:

— Что разглядел?

Шэнь Сичжоу моргнул и произнес:

— Шум осенних капель вторгается в короткие сны.

Он сделал паузу и продолжил следующей строчкой:

— Банановые листья под карнизом ловят дождь.

— Очень красиво, — сказал Шэнь Сичжоу. — Пойдем обратно, я сильно хочу спать.

Шэнь Сичжоу поднялся на ноги, сделал несколько шагов, но оглянулся на Хэ Цюяня, который все еще сидел в беседке, и вежливо поинтересовался:

— Ты еще будешь смотреть?

Хэ Цюянь же ответил:

— Я здесь не для того, чтобы смотреть на дождь.

Шэнь Сичжоу замер на секунду, а затем с улыбкой произнес:

— Спасибо за заботу, на этот раз я одет очень тепло.

— Мм, — Хэ Цюянь тоже поднялся. — Я родился осенью, и в тот момент на подоконнике сидела сорока.

Он рассказывал о происхождении своего имени. Шэнь Сичжоу вежливо поддержал разговор, но в этот момент от его слов повеяло отчуждением, и он бесстрастно бросил:

— Весьма любопытно.

Хэ Цюянь шел рядом и продолжал:

— Родители сказали: раз уж я птица, то они надеются, что, наслаждаясь свободой, я всегда буду знать место, где можно остановиться — будь то карниз, ветка дерева или подоконник. В конце концов они решили взять в имя иероглиф «карниз», подразумевая, что у меня тоже хватит сил задержаться где-нибудь.

Шэнь Сичжоу нажал кнопку пятого этажа. Пока лифт поднимался на самый верх и им обоим предстояло разойтись по комнатам, он бросил:

— Хэ Цюянь.

Хэ Цюянь обернулся к нему.

Шэнь Сичжоу слегка улыбнулся:

— У тебя очень красивое имя.

Восемь тридцать утра. Стук в дверь Хэ Цюяня раздался с абсолютной точностью.

Шэнь Сичжоу открыл дверь и поздоровался:

— Доброе утро.

Хэ Цюянь посмотрел на темные круги под глазами Шэнь Сичжоу и приподнял бровь:

— Не спал всю ночь?

Шэнь Сичжоу на мгновение замер, собираясь закрыть дверь. По правде говоря, он действительно почти не сомкнул глаз. И хотя в последнее время спать удавалось неважно, чтобы вот так пролежать с открытыми глазами до самого рассвета — с ним такое случалось впервые.

Он спокойно кивнул и соврал:

— Играл в видеоигры.

Хэ Цюянь удивился:

— Ты еще и играешь? В какие?

Атмосфера немного сгустилась, по крайней мере, для Шэнь Сичжоу. Он недовольно покосился на Хэ Цюяня, молча направился к лифту и холодно бросил:

— Ты что, на допрос меня ведешь?

— Обиделся спросонья? — Хэ Цюянь сжал губы в улыбке и похлопал его по плечу. — Завтрак с меня.

Шэнь Сичжоу пожал плечами, пытаясь сбросить руку Хэ Цюяня, но тот даже не шелохнулся. Шэнь Сичжоу возразил:

— Разве в стоимость моего проживания не входит завтрак?

Хэ Цюянь ответил:

— Сегодня отведу тебя поесть в другое место.

— Не хочу, — Шэнь Сичжоу ответил без раздумий, но тут же замаялся, собираясь что-то добавить. — Ты вчера... разве не передал мои слова бабушке?

— А, это... — Хэ Цюянь внезапно все понял. — Конечно передал, мы всегда стараемся удовлетворять любые запросы наших гостей.

Прислонившись к стене кабины лифта и дожидаясь, пока Шэнь Сичжоу нажмет кнопку второго этажа, он добавил:

— В последнее время в гостинице ты — единственный постоялец.

Шэнь Сичжоу удивленно широко раскрыл глаза, но тут же взял себя в руки. Лихорадочно соображая, как выразиться помягче, он выждал, пока они выйдут из лифта, и сочувственно утешил:

— Наверное, просто несезон.

— Мм, — Хэ Цюянь нахмурился и вздохнул. — Но в других отелях гостей вроде бы немало.

Шэнь Сичжоу на мгновение замер и вновь выдал неловкое утешение:

— Зато у тебя в таверне полно народу.

— Тоже верно. — Хэ Цюянь, казалось, и впрямь утешился, а затем сменил тему: — Тебе нравится жить здесь в последнее время? Не считаешь большой удачей то, что в свое время решил вернуться в гостевой дом?

Шэнь Сичжоу не знал, как ответить на этот вопрос — он же не мог сказать, что ему в общем-то все равно, где жить?

Поэтому он пропустил вопрос мимо ушей, ускорил шаг и у самого входа в столовую замер как вкопанный.

Внутри было совершенно пусто, никакой еды тоже не наблюдалось.

В замешательстве Шэнь Сичжоу обернулся на Хэ Цюяня.

Хэ Цюянь развел руками и пояснил:

— Раз постояльцев больше нет, бабушки готовят для персонала в маленькой кухне, а гостям завтраки больше не подают.

Шэнь Сичжоу не понял:

— Разве я не продолжаю здесь жить?

Хэ Цюянь невозмутимо ответил:

— Ты будешь есть вместе с нами на маленькой кухне, только выбор блюд теперь будет скромнее.

— Ничего страшного, — отозвался Шэнь Сичжоу. — Так куда идти?

— В маленькую столовую на первом этаже, — ответил Хэ Цюянь.

С опозданием сообразив, что над ним просто подшутили, Шэнь Сичжоу почувствовал раздражение и тоном, в котором явно читался допрос, возмутился:

— Почему ты сразу не сказал?

Хэ Цюянь парировал:

— Ты не спрашивал.

Шэнь Сичжоу глубоко вздохнул, чувствуя, что ведет себя как-то странно.

Раньше на работе ему доводилось сталкиваться с вещами куда более абсурдными, но он никогда не злился и не раздражался — почему же сейчас его так легко вывел из себя какой-то Хэ Цюянь?

С каких это пор его эмоции стали такими несдержанными?

Шэнь Сичжоу автоматически хотел сказать извини, но в данную секунду ему совершенно не хотелось этого произносить. Сдержавшись, он бросил на Хэ Цюяня свирепый взгляд и зашагал к лестнице.

Хэ Цюянь неотступно следовал за ним:

— Разозлился?

Шэнь Сичжоу не отвечал.

Хэ Цюянь снова заговорил:

— Перестань сердиться.

Шэнь Сичжоу сделал вид, что ничего не слышит.

Хэ Цюянь перехватил его за запястье. Шэнь Сичжоу дернулся, но вырваться не смог.

Хэ Цюянь пообещал:

— Я искуплю свою вину.

Шэнь Сичжоу поднял на него глаза.

Хэ Цюянь отпустил его руку, непринужденно бросил: — И почему ты только так похудел? — и тут же добавил: — Пойдем прогуляюсь с тобой, побуду твоим водителем.

Шэнь Сичжоу холодно посмотрел на него искоса, с легкой насмешкой:

— Это твой способ искупить вину?

Хэ Цюянь кивнул, самоуверенно и бесстыдно заявив:

— Буду и гидом, и водителем. Ты у меня первый такой.

Шэнь Сичжоу больше ничего не сказал и последовал за Хэ Цюянем в служебную столовую.

Байма, едва заметив Шэнь Сичжоу, расплылась в улыбке и поманила его к себе. Шэнь Сичжоу послушно сел рядом с ней. Байма встала, налила ему пиалу чая с маслом, положила в плетеную корзинку несколько булочек с мясом яка и ячменных лепешек, а затем бросила Хэ Цюяню:

— Наливай себе сам.

Хэ Цюянь указал на Шэнь Сичжоу и поддразнил:

— А почему ему не разрешишь налить самому?

В мандаринском диалекте Байма проскальзывал легкий тибетский акцент. Сначала она обратилась к Шэнь Сичжоу:

— Попробуй, по вкусу ли тебе, в последнее время совсем не спускался к еде, так исхудал!

А затем снова повернулась к Хэ Цюяню:

— У тебя язык больно придиричивый, накладывай ровно столько, сколько сможешь съесть.

Хэ Цюянь отправился за чаем с маслом, а Байма тем временем принялась разглядывать Шэнь Сичжоу. Тот смутился под ее взглядом, сделал глоток чая с маслом, откусил кусочек ячменной лепешки и, сощуриив глаза, улыбнулся бабушке:

— Очень вкусно.

И тут же поинтересовался:

— А где бабушка Санчжу?

— Раз вкусно, ешь побольше, завтра приготовлю тебе цзанба, — Байма с ласковой улыбкой смотрела на Шэнь Сичжоу, а потом добавила. — У этой старухи Санчжу в следующее воскресенье внук женится, она в эти дни хлопочет вовсю.

Сказав это, Байма перевела взгляд на Хэ Цюяня, который уже устроился рядом с Шэнь Сичжоу:

— А ты в тот день пойдешь?

— Потом решу, — Хэ Цюянь откусил булочку с мясом яка. — Захочешь пойти — иди, я дам тебе выходной.

Байма вытерла руки и хлопнула Хэ Цюяня по плечу:

— Послезавтра я не приду.

Хэ Цюянь кивнул:

— Знаю, тебе же нужно идти помогать.

Байма фыркнула:

— Кто ей станет помогать, я просто иду поглазеть.

Хэ Цюянь протянул:

— Да-да-да, — и снова спросил: — Невеста тоже тибетская девушка?

Байма поднялась, чтобы убрать свою посуду, немного помедлила и ответила:

— Нет.

Хэ Цюянь хмыкнул и небрежно бросил:

— Значит, ханьская девушка?

— Нет. — Байма перевела взгляд с Хэ Цюяня на Шэнь Сичжоу и произнесла: — Не девушка, мужчина.

<http://bllate.org/book/25607/3053993>